

Овеян Виктория

ПОЛЕТ НА КЕПЛЕР

Все имеет свою цену, и прогресс – не исключение. Но как далеко мы готовы зайти?

Овеян Виктория Полет на Кеплер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70572010

SelfPub; 2024

Аннотация

Двое астронавтов отправляются в далекое путешествие в надежде отыскать разумную жизнь. В это время остальное человечество с нетерпением ждет их возвращения, неустанно продолжая крутить колесо прогресса. Но так ли далека черта, пересечение которой недопустимо?

Овеян Виктория

Полет на Кеплер

Дверцы криогенной капсулы отворились, и белый прохладный пар растекся по металлическому полу космического корабля «Горизонт».

Рейган как ни в чем не бывало вылез из капсулы, висящей на стене. Увидев белую дымку пара, он сразу включил рассеиватель. Будильник, больше похожий на аварийную сирену, бил по барабанным перепонкам точно так же, как и во время первого пробуждения.

– Еще сто пятьдесят лет миновало. – подумал он. – На Земле за это время успело смениться несколько поколений.

Рейган Хилл обладал острым умом и таким же острым, пронизательным взглядом. Любил поразмышлять, причем на самые разные темы. Мысль для него была инструментом интеллектуального поединка, даже если это была битва с самим собой. На фоне общей худобы имел довольно широкие плечи; выделяли его также острый подбородок, ярко выраженные скулы и бледная кожа. У него были голубые, цвета чистого неба глаза и светлые волосы. Пока он приходил в себя, из второй капсулы осторожно вышел Василий.

– Где это я? Я не дома? – Василий встревоженно оглянулся. – Который час, в конце концов?

Василий Батулин был первоклассным инженером и фи-

зиком. Ростом был не высок, но и не низок; отличали его некоторая неряшливость, спортивное, крепкое телосложение, грубые черты лица и шрам на левой руке.

– Мы летим на экзопланету под названием Kepler-22b. – спокойно ответил Рейган. – Сейчас... – тут он оглянулся на счетчик, находящийся прямо напротив капсул. – сейчас 3752 год, 14 ноября по земным часам.

– А, точно. Спасибо. Каждый раз забываю.

Крейсер «Горизонт» был выведен в открытый космос осенью 2402 года. Он был способен рассекать вакуум со скоростью, стремящейся к скорости света, но сейчас летел медленнее. Для сравнения, самым быстрым летательным аппаратом по состоянию на 2023 год был солнечный зонд «Паркер», развивающий до 692 000 км/ч. А ведь тогда это считалось чудом техники.

– Опомнился? – на всякий случай уточнил Рейган. – время менять стержни.

– Может, сначала посмотрим сообщение?

– Только после замены. Тогда я буду спокоен.

Они пошли к двигателю, в заднюю часть корабля.

– Кто пойдет? – спросил Василий.

– Мне все равно.

– Тогда давай я.

– Хорошо.

– Интересно, почему еще не сделали специальных роботов для этого дела? – спросил Василий, натягивая перчат-

ки. – Это, вроде бы, не больно сложно.

– Может, уже и сделали. – пожал плечами Рейган. – А вообще, в таких вещах особая сноровка нужна.

После того, как Василий одел антирадиационный костюм, он открыл круглый люк, ведущий в двигательный отсек. От нескольких кубиков на подставках шли провода во все стороны. Астронавт взял один из кубов. Это был проксиниевый стержень, надежно упакованный в несколько слоев защитных материалов. Его он осторожно поместил в утилизатор. Оттуда стержень попал в небольшой изолированный отсек к остальным отработавшим.

«Как мы только на это решились, – подумал Василий, – почти полторы тысячи лет находиться в одном помещении с самым радиоактивным элементом. Ума не приложу...»

Примерно через полчаса работы он вышел обратно. Его ждал Рейган. Да не один, а с новостями.

– Через два дня прибытие.

– Что?

– Через два дня прибытие.

Василий не верил своим ушам. Слова эхом отразились в голове и тяжелым грузом легли на плечи. Он не думал, что такой большой промежуток времени пролетит настолько незаметно.

– Seriously, уже?

– Да. Корабль уже начал замедление.

– Что может пойти не так?

Этот вопрос уже стал привычным для всех астронавтов. Говорят, что не нужно готовиться к неудачам – они сами найдут тебя, но иногда нужно обнаружить их पहले, чтобы получить преимущество.

– Расслабься, параноик. – усмехнулся Рейган.

– А ты, как будто, нет.

– Не язви. Пойдем лучше сообщение прочитаем.

Каждые сто пятьдесят лет на борт корабля приходило сообщение с Земли. В нем всегда указывались дата и время отправки. Как правило, они получали информацию с задержкой в пару столетий – скорость света никто не отменял. Чем дальше они отдалялись, тем больше времени нужно было для доставки.

– Сообщение пришло! – радостно сказал Рейган, набирая что-то в экран на стене. – Про нас, как минимум, не забыли.

– Уже что-то. А кто адресант? ВОКИ еще существует? Или снова название поменяли?

ВОКИ – Всеобщая Организация Космических Исследований – была создана с целью наиболее эффективного исследования, освоения и колонизации космоса. Туда вступили почти все космические державы, коими являлись к тому времени практически все страны. Но от этого они не перестали соперничать и утаивать друг от друга технологии и разработки. Даже после освоения Марса гонка продолжалась, и никто не хотел уступать.

– Еще как существует! – воодушевленно ответил Рейган. –

Так, ну что, читаю?

– Давай.

Рейган начал читать вслух.

«Отправитель: Всеобщая Организация Космических Исследований.

Получатель: экипаж «Горизонта».

Дата и время отправки: 12.03.3353 год, 12:59.

Рейган Хилл и Василий Батурин, в первую очередь, еще раз выражаем вам почтение за столь отважный поступок. Мы вас помним. Весь мир с трепетом ждет следующего письма вам, словно парада планет. Для нас честь написать вам следующими.

Скорее всего, это последнее сообщение, которое вы получите по дороге к Кеплеру. По нашим расчетам, оно должно прийти не скоро, как раз примерно тогда, когда вы достигнете планеты. Хотелось бы пожелать вам удачи. Отправьте фото и видео оттуда, как только сможете. Не забудьте рассчитать направление отправки волн для раскладной радиостанции. Лучше проверить дважды. Устанавливайте строго по инструкции. Мы напишем вам, когда получим сигнал. Впрочем, к этому времени вы уже будете почти на половине пути домой.

Теперь к новостям.

Ученые из Калифорнии смогли телепортировать сахар. На километр. Мгновенно. Да-да, не смейтесь. Это сложное органическое вещество, сами знаете.

Помните, как мы рассказывали, что расщепили кварки на еще более мелкие частицы? Так вот, мы смогли расщепить и их. Частицы, с которыми мы имеем дело, становятся все меньше и меньше. Мы даже начинаем сомневаться, существуют ли они вообще.

В среднем по системе продолжительность жизни по данным на прошлый год составляет сто семьдесят пять лет. Умирают в основном не от болезней или старости. Несчастные случаи.

Население Марса по данным на 3350 год составляет 35 млрд. человек, Луны – 11 млрд, Земли – 56 млрд, Венеры – 12 млн, суммарное население спутников Юпитера и Сатурна – 3 млн. Про пояс астероидов достоверных данных нет.

Специально для Василия: Летающих автомобилей еще нет. Пойми уже, что это не выгодно.

Ждем фотографий с Кеплера. Удачи вам от всей Солнечной системы!»

После недолгой паузы диалог вновь возобновился.

– А знаешь... – протянул Рейган.

– Итак, в эфире прогноз погоды. Облачно. Ожидаются осадки в виде философских рассуждений длиной в два часа.

– Если бы. Я что-то сам не свой. Два дня, понимаешь? Мы так долго этого ждали, готовились. А тут... два дня. Резко.

Оба замолчали.

– А давай-ка лучше поедим. – предложил Василий.

Им во что бы то ни стало нужно было отвлечься. Хотя бы

на что-то.

– Сто лет ничего не ел! Буду только за.

Они направились к небольшому отсеку, в котором в герметичных пакетиках хранилась еда. Каша внутри них была лучшей комбинацией компактности, содержания витаминов и веществ, применяемых для того, чтобы восстановить организм после спячки. Вода хранилась в точно таких же емкостях.

Об утолении голода и жажды космонавтов ломали голову чуть ли не дольше, чем над прокладыванием маршрута: каждый лишний килограмм на борту лишал корабль скорости и маневренности. К тому же было важно, чтобы содержимое портилось не слишком быстро. Больше тысячи лет лететь, как никак.

Рейган распечатал один из металлически поблескивающих пакетиков и начал высасывать содержимое через подобие трубочки. Василий последовал его примеру.

– У тебя какой вкус? – поинтересовался Батурин.

– На этот раз клубника. А у тебя?

– Персик.

Космонавты, питающиеся из тюбиков – стереотип, укрепившийся в сознаниях людей еще в XX веке – оставался актуальным и по сей день. Впрочем, этому были свои основания: не очень-то удобно брать с собой столовые приборы.

– Может, к иллюминатору? – предложил Василий, выкидывая пустой пакетик в утилизатор.

– Зачем?

– Лет пятьсот в него не смотрел.

– Пойдем.

Они направились к единственному иллюминатору на «Горизонте». Он был на самом носу корабля, рядом с двумя креслами для пилотов и панелью управления. На самом деле, в нем не было острой необходимости. При более низкой скорости можно было обеспечить обзор с помощью камер, а при высокой он был бесполезен: космонавты бы не успели среагировать на надвигающийся объект.

Несмотря на это, проектировщики решили не уходить от многовековых традиций. Тому было как минимум две причины: несовершенство техники и человеческий фактор.

Рейган и Василий расположились в креслах и стали всматриваться в чернеющую пустоту. Периодически в ней мелькали редкие звезды разных цветов, размерами не превосходившие снежные хлопья. Пролетающие мимо кометы с метеорами напоминали спешащих куда-то светлячков.

Маршрут был изначально построен так, чтобы «Горизонт» держался на расстоянии от всех небесных тел. Конечно, на деле это было невозможно. Нельзя было просчитать траекторию каждой отдельной планеты. Поэтому «Горизонт» старался огигать звездные системы и скопления астероидов, которые могли бы превратить его в грудку обломков.

– Как думаешь, – сказал Василий, показывая пальцем на очередную проносящуюся мимо звезду. – сколько ей еще го-

реть?

– Не знаю. – Рейган пожал плечами. – Я не астроном. Может, несколько миллиардов лет.

– Много.

Рейган вздохнул.

– Недавно заметил за собой, что после нескольких заморозок потерял ценность времени. Какая нам теперь разница? Тысяча лет, две тысячи, миллион... всё одно. Всё можно пропустить, перемотать вперед.

– Но в обратную сторону – никак.

– Верно, никак. А может, это только пока.

– А ты бы хотел? Ну, обратную перемотку.

– Нет.

– Почему?

– Время – не игрушка. Заморозка не нарушает никаких базовых законов. По сути, мы просто увеличиваем нашу продолжительность жизни. Животные тоже впадают в спячку. Но если попытаться отправиться назад, время станет отрицательной величиной. Почему тогда остальные величины не могут быть отрицательными? Ты можешь себе представить, например, отрицательное напряжение? Массу? Если что-то равно нулю, значит, этого нет. А если у чего-то есть численное или иное значение, значит, оно существует. Мы можем это измерить. В этом и противоречие.

– По твоей логике, не должно существовать отрицательных чисел.

– Нет, почему же? Минус перед числом указывает на направление. Мы берем какую-то точку за нуль, и откладываем отрезки в разные стороны. Любая точка может принять отрицательное значение. Это смотря откуда откладывать. Но если мы двигаемся в отрицательном направлении, это ведь не значит, что и скорость наша отрицательна?

– Да, обычно мы берем значение по модулю. Но если не можем чего-то представить, это не значит, что этого не существует.

Рейган почесал подбородок.

– Ты прав. Но путешествия назад во времени – все-таки не самая лучшая идея. Как минимум потому, что мы еще не знаем, с чем имеем дело.

– Если бы люди боялись всего неизвестного, не полетели бы в космос.

Василий всмотрелся в иллюминатор.

– Как думаешь, там правда есть жизнь? – спросил он, говоря об экзопланете, на которую они летели.

– Должна быть.

– До сих пор задаюсь вопросом, почему они просто не отправили туда спутник.

– А что может спутник?

– Можно было бы доставить какого-нибудь робота на дистанционном управлении. Они много что могут.

В детстве Василий увлекался робототехникой. С нее и началась его любовь к инженерному делу.

– Ага. И посылать ему команды, которые будут приходиться раз в несколько веков.

– На многие действия он уже был бы запрограммирован.

– Машина не умеет действовать в непредвиденных ситуациях, даже если обучить ее всему, что известно человечеству. Кто знает, что может встретиться на этой планете? Может, что-то совершенно новое, невиданное ранее. А робот обучен по старому образцу. И все это будет угрожать миссии. Невозможно предвидеть каждую мелочь.

– Но и человек не идеален. Нам нужно есть, пить... дышать, в конце концов! А роботу это не нужно. Только энергия. Можно сделать такого, который выживет везде.

Рейган задумчиво уставился в иллюминатор, словно хотел найти там ответы. Мимо пролетала очередная комета, которую он проводил взглядом.

– У всего есть свои плюсы и минусы. Устойчивость к внешним угрозам, длительное время работы, способность выполнять опасную для человека работу – неоспоримые преимущества машин. Но ведь мы летим не на обычное задание. Сможет ли машина, в случае чего, принять моральный выбор? Разве бездушный робот – достойный представитель человечества?

– Размышляешь так, будто по прилету мы непременно встретим разумную жизнь. – Василий усмехнулся. – Зеленых человечков, как из старых фильмов.

Рейган пожал плечами.

– Кто знает, кто знает. Будет иронично, если одна из самых первых интерпретаций окажется верной. В любом случае мы должны быть готовы к любому исходу.

– Например?

– Начнем с самого скучного – жизни там не окажется. Про нашу миссию все забудут. Хорошо, если мы вообще вернемся.

– Отчего же?

– За ненужностью. Зачем людям полторы тысячи лет следить за возвращением экипажа, который так и не узнал ничего нового? Прокладывать маршрут, оставаться на связи? Сам подумай.

– Как был пессимистом, так и остался. Люди не настолько бездушные.

Рейган снова задумался. Этот разговор был для него очередным поединком, и отнюдь не со своим коллегой, как могло показаться на первый взгляд, а с собственным разумом. Но для этого нужен был повод, мотив: неспроста первое радио изобрели на войне. Необходимость защиты от аргументов оппонента заставляла его шевелить извилинами, и с каждым разом выдавать все новые и новые гипотезы и предположения.

– Смотришь через призму времен, в которых жил ты.

– Даже если и так, мы в любом случае будем представлять ценность как путешественники во времени, хоть и не настоящие. Для психологов.

– И без нас полно людей замораживают.

Последнее слово Рейган произнес с некоторой неприязнью.

– В самом деле, кто знает, что за это время случится в нашей системе? – рассуждал Рейган. – Может, жизнь сама нас найдет. И принесет, как бы это странно ни звучало, смерть, если мы будем не готовы.

– К такому разве можно подготовиться?

– Не знаю. Но точно не на том этапе, на котором сейчас наша... хотел сказать «планета». Отголоски прошлого. «Цивилизация» будет правильнее.

– И что, по-твоему, характеризует готовую к первому контакту цивилизацию?

– Думаю, один из самых важных критериев – полное понимание устройства вселенной, ее логики. Но истина познается в сравнении, а сравнивать нам не с чем.

– Пока что.

Василий не отводил взгляда от дрейфующих в бесконечности космоса звезд. Они все мелькали и мелькали. Белые, синие, желтые и красные огоньки так быстро исчезали и вновь появлялись, что глазу было почти не за что ухватиться. Звезды... такие близкие, проносящиеся мимо буквально за долю секунды, но в то же время такие далекие и недостижимые. Даже они: могучие красные гиганты, горевшие слишком ярко, чтобы прожить больше каких-то нескольких миллионов лет; плотные синие карлики, которые, казалось,

стремились сжаться в крохотную точку; сверхскоростные кометы, разрезающие пространство своим хвостом из ослепительно-белого тумана – казались сейчас не более значительными, чем очередной обед. Тогда что может значить обычная, человеческая жизнь в масштабах вселенной?

Василий невольно вспомнил свою. Еще в школьные годы он решил для себя, что посвятит жизнь науке. Корни этого стремления шли скорее не от желания прославиться или вписать собственное имя в историю, а от искренней мечты принять участие в продвижении прогресса, ведущего к познанию тайн мироздания. Ему всегда хотелось выйти за рамки, продвинуться дальше и узнать больше. Единственным путем к тому было создание нового.

За свою жизнь Василий написал множество научных статей. Он занимался исследованиями в области радиоволн, а также энергетики, в частности, ядерного синтеза. Он считал, что именно эти направления являются наиболее важными: первое – по причине того, что перелеты становились все более дальними, а способы обмена данными – те же, второе – так как те самые перелеты требовали колоссальных затрат энергии. Он занимался не только теорией, но и практикой: им был спроектирован прототип улучшенного радиоприемника, использовавшегося сейчас на «Горизонте» для принятия сообщений с Земли.

– Как думаешь, почему отправили именно нас? – спросил Василий.

– На то могут быть разные причины. У тебя это опыт.

В конце XXIV века Василий Батурин в составе команды из пяти человек отправился в систему Альфа Центавра, состоящую из трех связанных между собой звезд. Целью экспедиции была экзопланета, вращающаяся вокруг невидимого невооруженным глазом красного карлика Проксима Центавра – ближайшей к Солнцу звезды. Благодаря экспериментам с радием, плутонием и нептунием в атмосфере планеты, удалось открыть новый химический элемент – проксиний, названный в честь места обнаружения.

Воспоминания стали невольнo всплывать перед глазами. Плутоний, зажатый в щипцах. Учащенное биение сердца. Беззвучный взрыв. Резкая боль в левой руке. Темная вспышка. Нет, он никогда не забудет, как получил тот шрам. Как он лежал на станции в жилом модуле, то жадно глотая ртом воздух, то проваливаясь в полное беспамятство. Как знакомые голоса, казавшиеся такими далекими, помогли ему найти свет.

– Как думаешь, взял бы себя, если бы сам назначал экипаж? – поинтересовался Василий.

– Думаю, да. – ответил Рейган. – Тебя надо брать в любом случае. Мы с тобой хорошо работаем в комбинации, значит, и меня тоже.

Рейган Хилл был отличным врачом. Скорее всего, одним из лучших, раз смог спасти казавшимся до того момента безнадежным пациента, которого доставили на Землю за-

мороженым в криокапсуле. Так делали всегда, когда кто-то из экипажа получал опасную для жизни травму, которую нельзя было вылечить на месте. В состоянии криптобиоза все процессы жизнедеятельности останавливались, но это отнюдь не значило, что Рейгану было легко реанимировать Василия. Но тогда случилось чудо. То самое, когда у доктора каким-то образом получается исцелить то, что по всем законам исцеляться не должно.

– Ты в целом человек довольно разносторонний. – сказал Василий. – Еще один аргумент «за».

Рейган действительно был многогранной личностью. Помимо основной своей профессии увлекался крионикой. Под его руководством впервые заморозили и разморозили живого человека без повреждений: системы органов, рассудок и память остались в первозданном виде. По этой причине именно ему поручили спасти Василия. Он знал все тонкости заморозки, как никто другой.

Души не чаял в математике и музыке и видел между ними нерушимую связь. Когда несколько образов мышления вот так переплетаются в одном сознании, получается новый, более объективный, используя который можно взглянуть на ситуацию под разными углами. В Рейгане сочетались трое: скептический врач, чувственный музыкант и строгий математик.

Это как смотреть через три разных стеклышка: сквозь первое видишь мир красным, сквозь второе – желтым,

сквозь третье – синим. Но стоит их скомбинировать, стоит посмотреть сразу через два или даже три, и мир окрашивается в невообразимые, немислимые ранее цвета, которые нельзя было бы получить, держа в руке лишь одно.

– Посмотрим, как мне поможет скрипка при встрече с пришельцами.

Василий улыбнулся.

– Не сомневаюсь, что им понравится твоя игра.

Два дня пролетели незаметно. Большую часть времени они проводили перед иллюминатором. Какая-то неведомая сила притягивала их к креслам и заставляла наслаждаться мелькающими перед ними небесными телами, которые с каждым часом становились все более четкими. Сила, что манила людей за собой, одаривая их жадной к новому.

Сейчас они были облачены в скафандры и пристегнуты. Через стекло виднелся шар, покрытый зеленовато-голубым океаном. В некоторых местах проблескивала почти незаметная белая дымка – похоже, облака.

Конечно, каждый из них думал о том, что они там встретят. Оба грезил этой мыслью с самого назначения в экипаж. Но сейчас, когда кульминация их миссии была так близка, в голову закрадывался страх. Страх неопределенности. Страх перед тем, что они не знают, с чем им предстоит столкнуться. Страх перед неизвестным.

Василий был главным пилотом, а Рейган помогал контролировать работу приборов. Корабль вышел на орбиту пла-

неты. Траектория не значительно расходилась с расчетами. Нужно было провести некоторые наблюдения с высоты и найти подходящее место для приземления.

Внешне казалось, что они всецело были сосредоточены на технической части миссии. Василий и Рейган, точно роботы, отрешенными тысячами раз движениями заставляли корабль делать то, чего они от него хотели. Так, как положено прилежным астронавтам. Но мыслями, разумом, сознанием – тем человеческим, что отчетливо блестело в их глазах – они были совсем в другом месте, известном только им самим.

Сегодня, 21 июня 3702 года, Вернера Ноймана уже в который раз абсолютно бесстыже разбудили в шестом часу утра.

– Тысячи обитателей Марса живут в неподходящей для них, ещё не измененной атмосфере. – чип на виске Ноймана замигал, и перед ним возникла картинка, такая же, как на старых устройствах, ранее называемых, кажется, телевизорами. Мужчина вскочил с кровати и начал ощупывать голову в поисках кнопки выключения. – Вы можете помочь им уже сегодня! Пожертвуйте...

Послышался глухой щелчок.

– Не нужно было экономить на чипе. – раздражённо произнес Вернер. – Бесит реклама! Честным людям поспать не дают.

Вернер почти всегда выглядел рассеянно: часто ничего вокруг себя не замечал, еще чаще не хотел замечать. Проклинал синтетическую еду и тот факт, что нельзя готовить самому. Нет, конечно, можно было, но это стоило баснословных средств, которых у него, очевидно, не было.

Он встал, собрался, после чего вышел из своей комнатки через автоматическую дверь, которая вела в горизонтальный лифт, с двух сторон ограниченный стеклянными стенами. Вернер встал на платформу и сразу же услышал в своей голове сообщение о том, что гравитационное подключение прошло успешно. Теперь он был надёжно прикреплен к этой странной плоской штуковине, которая должна была доставить его в исследовательский центр.

Платформа начала движение, но стоящий на ней Вернер даже не шелохнулся. Вместо этого он протяжно зевнул и осмотрелся по сторонам. По правую и левую руку от него простирался город. Чем-то он был похож на тот футуристичный образ, который строили в воображении своем люди, снимающие в прошлых веках фильмы о будущем. Но было и несколько отличий.

Ночью город не переливался всеми оттенками света где только можно и нельзя, ведь в этом просто не было смысла. У большей части людей были чипы, которые в том числе одаривали их глаза прекрасной возможностью видеть в темноте.

Кроме того, строения вовсе не были оформлены в бело-голубых тонах. Солнечные лучи отражаются от светлой

поверхности, тем самым мешая поглощать их и перерабатывать в энергию. Ученые смогли модифицировать электрику так, что каждое здание было своего рода огромной солнечной батареей. Поэтому их преимущественно окрашивали в черный. То была инициатива и разработка экологов, коих осталось не так много после осознания людьми возможности в случае чего переселиться на Марс и далее.

Но кое-что люди прошлого, конечно, угадали – зелени было много. Растения обвивали исполинские башни, разрезающие небеса; где-то росли на крышах, превращая невзрачные здания в произведения искусства. То были отчаянные попытки сохранить хотя бы долю процента нормальной, не модифицированной растительности, которые главы государств судорожно предпринимали в середине четвертого тысячелетия. Хотя всем было очевидно: то, что люди видели на улицах – лишь отголоски мнимо нетронутой флоры.

Наконец Нойман добрался до места назначения. На входе ему даже не пришлось прикладывать палец к двери или ждать, пока отсканируют его лицо: все проверки уже давно совершались автоматически. В исследовательском центре «Рукав Ориона» работало порядка тридцати человек, что было несказанно мало для ведения какого-либо крупного проекта. Но и всех подряд сюда пускать было нельзя.

Здесь учёные разрабатывали устойчивые к сверхвысоким температурам материалы нового поколения, проектировали модели кораблей, которые могли бы перевозить десятки ты-

сяч тонн груза, занимались важными расчетами. Притом доступ к целям исследования и его результатам был далеко не у всех. Деятельность «Рукава Ориона» была преднамеренно закрыта завесой тайны от неудобных свидетелей.

В последние дни работа шла особенно интенсивно: практически все цели исследовательской кампании были выполнены. В обеденный перерыв Вернер направился в комнату отдыха, чем-то походящую на кафетерий, где он часто встречался со своим другом. Так произошло и сегодня. Выпив по чашечке синтезированного яблочного сока, они с Эрихом, по обыкновению, быстро разговорились.

– Наш постоялец снова себя заморозил. – сказал Эрих. – Это уже в третий раз! Ну, как мне рассказывали...

Эрих Ривьер был работником главного в городе криогенного центра, чем чрезмерно гордился, ведь ему было-то всего двадцать три года. Картавил, что делало для него произношение слов по типу «гидротрансформатор» непосильной задачей и ужаснейшей пыткой, а также выдавало в нем потомственного француза.

– Причину хоть назвал? – отвлеченно спросил Вернер.

– Он сказал, что устал и хочет перемен. Но всего за сотню лет ничего не изменится, как и за прошлую, ведь так?

Вернер посмотрел в единственное окно, выходящее наружу. Люди бесперебойно сновали туда-сюда по тоннелям со стеклянными стенами, темные здания молча несли своё бремя, оставляя глазам лишь небольшую щель, через которую

можно было вскользь увидеть небо.

Вернер погрузился в свои мысли. Когда он последний раз был на улице? На настоящей улице? И был ли вообще? Как ему хотелось прямо сейчас, в эту минуту увидеть небо... Настоящее небо, а не эту жалкую прорезь. С пушистыми облаками и птицами. А может, лучше было бы посмотреть на мелькающие звёзды на черном-черном фоне, чернее всех городских зданий, на разлившийся на весь купол млечный путь... Прямо как в учебниках астрономии. Интересно, есть ли на Земле хоть одно место, где можно было бы нормально посмотреть на небо?

– Время покажет, Эрих. – ответил он. – Кто знает, что может случиться завтра.

– Я знаю, что будет завтра. То же самое, что и вчера. – ответил Эрих. – Хотя, может, сменится очередной политический лидер.

– Лично меня устраивает наш лидер. – ответил Вернер, на секунду задумавшись о своем проекте.

– Знаешь, столько веков миновало, а система всё та же. – вздохнул Эрих. – Города всё ещё борются за ресурсы, люди враждуют, а власть имеет цену.

– Возможно, некоторые вещи вечны. По крайней мере, для нас, людей. – ответил Вернер. – Но что-то я не уверен, что предки хотели для нас такого будущего. Будущего взаперти. Вот ты можешь взглянуть на небо?

– Нет, но мне это и не нужно.

Вернер грустно улыбнулся.

– Наверное, ты прав. Зачем тратить время на что-то подобное? Есть множество других важных дел.

– Вот-вот. – ответил Эрих. – Мой перерыв уже заканчивается. Мне пора.

– До встречи.

Возвращаясь в «Рукав Ориона», Вернер думал. «Мы живём, чтобы делать дела, выходит, так? – размышлял он. – Живем, чтобы делать что-то для общества, выполнять свою функцию в этом гигантском механизме... Тогда в чем же смысл? Я даже не могу увидеть небо. Вот закончу с этим проектом, и куплю себе воздушный купол на поясе астероидов. Там у меня будет комната... Нет, наверное, целый дом! Да, дом. Такой, как раньше, может, даже, деревянный. И там я смогу сколько угодно смотреть на эти мелькающие белые огоньки на черном фоне. И всё там будет по-настоящему...»

Полный решительности, руководитель любезно сообщил ученым, что они являются бездарями, и из-за этого казуса происходит сильное отставание от плана. Конечно, ни от какого плана никто не отставал. У этого проекта вообще не было четко установленных сроков. Наука неподвластна временным рамкам, а какие-либо явления или процессы могут изучаться на протяжении столетий. Проблема была не в этом. Просто Вернеру хотелось побыстрее получить домик на поясе астероидов.

В конце дня Вернер попрощался с сотрудниками, которые

явно недолюбливали его, но натягивали улыбки, чтобы их не уволили, встал на платформу и направился в сторону своей комнаты.

В то время в самом разгаре был очередной период повышенной безработицы. Новые роботы замещали людей все в новых и новых, на первый взгляд, незамещаемых сферах. Сами рабочие в основном занимались производством новых роботов и научными исследованиями.

У людей были почти все материальные блага, но они не знали, чем себя занять. Им нужна была деятельность, что-то, что установило бы им привычный уклад жизни. Что-то, ради чего или хотя бы из-за чего им нужно было бы вставать по утрам. Из-за этого начали появляться абсолютно бессмысленные и странные профессии, в которых человечество, по большому счету, не нуждалось.

Вернер, надо сказать, был счастливчиком. У него было постоянное, весьма престижное место работы. Притом оно его совершенно не интересовало. Он работал только ради своей цели, хотя и не знал, к чему она должна его привести в конечном итоге. Он считал, что имел лишь один путь, как он это называл, к небу: улететь.

Конкретно деньги, которые можно на что-либо обменять, получить можно было только в качестве зарплаты. Конечно, каждому жителю выдавалось все, что нужно для существования, но для некоторых особенно специфичных вещей этого было недостаточно. Покинуть Землю было вторым по зна-

чимости аспектом мотивации рабочих после потребности в деятельности.

Мотивы были разные. Кому-то не хватало свежего воздуха, у кого-то были родственники на других планетах, а кто-то переехал и пожалел. Пожалел из-за того, что понял, что здесь он не будет счастлив. Земля стала центром обеспечения других объектов Солнечной системы, планетарных масштабов заводом, где люди были лишними. Они жили в мире, построенном роботами для роботов. И многих это не устраивало. Они думали, что смогут сбежать, что на других планетах их ждет нормальная жизнь, что они смогут наконец-то ощутить что-то настоящее, почувствовать себя людьми. Но то единственное первозданное, что у них было, давно перестало отражаться в причудливых растениях, обвивающих дома.

Как только Нойман добрался до своей комнаты, он подошел к кровати и открыл ящик под ней. Туда доставляли еду, по праву положенную каждому землянину. На этот раз был рис, конечно же, синтетический.

В этот же момент в глазах у Вернера потускнело. Чип переключился на вечерний, более щадящий режим, чтобы подготовить организм ко сну.

– Выключить ночное виденье. – устало проговорил Вернер.

В тот же момент его окружил густой сумрак. Мужчина сел на край кровати, открыл пакетик с рисом и на ощупь извлек оттуда ложку. Он уставился в окно и стал ждать, попутно пе-

режевывая содержимое упаковки в глубокой темноте, оглушающей тишине и невыносимом одиночестве.

Вдруг в верхнем левом углу окна промелькнул желто-оранжевый лучик. Этот свет был особенным, чистым, исходящим не от зданий и не от машин. Светило Солнце.

«Восход... – подумал Вернер. – А ведь весь мир думает, что сейчас вечер. Каждый раз забавляюсь...»

Светило промелькнуло лишь на считанные минуты, потому что щелка была слишком мала, чтобы уговорить его задержаться на подольше. Единственный зритель шоу выкинул пустой пакетик из-под риса на пол и рухнул на кровать. Вернер уснул, едва коснувшись головой подушки.

Так проходил обычный день главного руководителя исследовательского центра «Рукав Ориона» Вернера Ноймана, за исключением, наверное, раздражающей рекламы по утрам: каждый день она была разной.

Сегодня Вернер в очередной раз был разбужен самым негуманным, что ни на есть, по его мнению, путем, и отправился на работу. Там ему сообщили, что все задачи проекта выполнены, а чертежи были отправлены на сборку и дальнейшее тестирование. Все это производилось автоматически при помощи роботов. Удобное это дело: даже ради проверки систем не нужно посвящать в дела лишних людей.

Была также назначена дата запуска аппарата, и по совместительству дата окончательного раскрытия бедным ученым завесы тайны, что это все-таки был за аппарат.

– А мы не можем как-то сократить длительность испытаний? – спросил Вернер.

– Никак нет. – ответил один из ученых. – Если не проверим все системы, то может не полететь.

Вернер признал данный ему ответ вполне логически обоснованным, потому не стал отменять испытания. Проведя в томительном ожидании несколько дней, руководитель наконец получил сообщение об успешном завершении последнего теста. Несмотря на это, старт был назначен на следующий месяц. Именно тогда Солнце было в самом удобном положении относительно Земли.

В тот исторический день в штабе собралось множество людей. Основная масса присутствующих не была осведомлена об истинных задачах проекта, отчего ожидание становилось еще более волнительным. Многим рабочим не терпелось подтвердить или опровергнуть свою теорию о происходящем.

– А я думаю, что Солнце угасает. – шепотом предположил один из таких. Он и пара его друзей сидели вдали от общей суматохи.

– Глупость. – ответил другой. – Перед тем, как начать сжиматься, оно должно бы было сначала расшириться до огромных размеров. А это убило бы Землю раньше. Этот цикл, тем более, измеряется миллионами лет, а не жалкими тысячелетиями.

– Мало ли что могло произойти. Человечество точно успе-

ло много с чем накосячить, а эта новость как раз из разряда таких, которые в первую очередь стоит скрывать от публики. Она могла бы вызвать хаос не только здесь, но и во всей системе!

– А почему, собственно, именно угасает? – спросил третий. – Может, оно расширяется, и аппарат направлен его сдерживать?

– Лично мне кажется, что это просто очередное не пойми зачем засекреченное исследование. – ответил второй. – На вспышки да пятна лишний раз поглазеть. Нас в «Рукаве» было слишком мало, чтобы вести такой серьезности проекты, о которых вы говорите.

– Как бы то ни было, сегодня мы узнаем ответ. – заключил первый.

– Нет-нет, это не просто очередное изучение солнечной активности. – к сидящей рядом троице подвинулся четвертый, с ними не знакомый. – Я видел, как запускали аппарат – контролировал некоторые важные системы, поэтому меня не допустить было нельзя.

– И что узнал? – поинтересовался первый.

– Не перебивай. – шикнул четвертый. – Это была огромных, исполинских размеров машина. Эта штука не умещалась в мое поле зрения, хотя наблюдал я издалека.

– Зачем им понадобилось везти столько чего-либо на Солнце? – спросил второй.

Рассказчик пожал плечами.

– Могу лишь гарантировать, что там что-то твердое. У жидкости или газа свои заморочки.

– Аппарат закреплен на орбите. – послышалось из динамиков. – Повторяю, аппарат закреплен на орбите.

– Принято. – ответ поступил через звонок. – Начать развертывание.

– Программа развертывания запущена.

На большом экране, занимавшем почти всю переднюю стену, появилось яркое изображение. Это была поверхность солнца, снимаемая с места событий. Яркие желто-оранжевые вспышки опоясывали термостойкий объектив.

Из места съемки почти моментально выдвинулись пластины из неизвестного материала. Через пару секунд они уже закрывали собой весь обозримый экран.

– Точка невозврата будет достигнута через сорок секунд. Продолжать?

– Продолжать развертывание.

Больше не было видно яростных языков пламени. Их заменил молчаливый контроль, воплощающийся в изолирующих их куполе.

– Солнечная энергия... – тихо проговорил второй.

– Но это же наша родная звезда! – выкрикнул кто-то из зала. – Вы разве не понимаете? Вы готовы рискнуть не только нашей планетой, но и всей системой ради какой-то там энергии? Зачем она нам вообще, у нас полно энергии! Отмените развертывание!

Его слова пролетели мимо. Никто из контролирующих процесс даже бровью не шевельнул.

– Достигнута точка невозврата. – холодно прозвучало из динамиков.

Если бы у жителей Земли не было чипов, сейчас они не могли бы видеть практически ничего. Разработанный для проекта материал пропускал через себя лишь малую часть солнечного света, остальную концентрируя в ровные струйки, которые затем должны были направляться к накопителям.

– Услышано. Продолжать контроль.

Но произошел сбой. Передатчики не заработали. Всё излучение начало скапливаться внутри звезды. Частицы, отражаясь от опоясывающего купола, возвращались во внутренние оболочки. Затем они отражались повторно, попутно сталкиваясь друг с другом. Такое взаимодействие вызвало непредвиденные химические процессы в ядре звезды, где, как известно, происходят термоядерные реакции.

Солнце взорвалось.

Поскольку камера транслировала с задержкой, равной восьми минутам двадцати секундам – именно столько времени нужно свету, чтобы преодолеть расстояние от Земли до Солнца – люди заметили свой промах уже постфактум.

К сожалению, во всей красе насладиться закатом цивилизации никому не удалось. Ослепительная вспышка озарила глаза каждого, а после они не могли ничего чувствовать, а

видеть – тем более.

Свирепая взрывная волна превратила в безжизненную пустошь всю систему. От Меркурия до пояса Койпера теперь не было и не могло быть ни единого намека на что-либо живое. Это было похоже на взрыв сверхновой: некое величественно красивое зрелище, живописная вспышка всех воображимых и нет цветов, на самом деле несущая колоссальные разрушения.

Когда губительная волна прокатилась по пространству, которое люди считали своим домом, многие спутники и астероиды раскололись. Их осколки летели к ближайшим планетам, но бояться их было уже некому.

И лишь двое были на тот момент так далеко, что ударная волна не смогла достичь их.

– Как думаешь, как на это отреагирует общественность? – Василий попытался покрутиться на кресле, но вовремя вспомнил, что он на корабле.

– Не знаю. – отвлеченно ответил Рейган, как всегда выглядывающий что-то в темном космосе по ту сторону иллюминатора. – Мне кажется, им сейчас немного не до нас. Слишком уж давно писем не было.

Астронавты снова сидели в носовой части корабля. Вчера они разморозились в последний раз, и уже через несколько

часов должны были достичь Солнечной системы.

– Интересно, почему? – продолжил Василий. – Очередной кризис?

– Там явно что-то более серьезное. – обеспокоенно ответил Рейган. – Даже с учетом посланного им сигнала ни единой весточки в ответ не отправили.

– Может, аппаратура поломалась?

– Или они просто на нас забыли.

Василий уставился в темную пустоту. В глазах читалось желание после стольких лет скитаний наконец различить в холодном мраке силуэт родной планеты.

– Звучит грустно, но оттого не менее вероятно.

– Ничего, когда узнают, что мы нашли на Кеплере, опомнятся.

– А вдруг они уже нашли жизнь в другом месте, вот и забыли о нас?

– Какую бы жизнь они там не отыскивали, то, что видели мы – совсем иное. – серьезно сказал Рейган. – Мы узнали, что все представления о природе вселенной даже близко не стояли с реальной картиной, и не поделиться этим с остальным человечеством будет высшей степенью эгоизма.

В ответ Василий коротко кивнул и принялся перепроверять системы управления кораблем.

Через несколько часов «Горизонт», судя по радарам, вошел на территорию Солнечной системы.

– Странно, плохо откалибровал, что-ли? – обеспокоенно

проговорил Василий.

– Не сходится. Сейчас мы должны пролетать через пояс астероидов. – ответил Рейган.

– Тогда почему тут пусто?

– Держи курс вперед. – твердо сказал Хилл. – Просто координаты сместились.

Первым крупным небесным телом, которое они заметили, был Марс. Красная планета раскололась на две части.

– Что здесь произошло? – спросил Рейган.

Василий молчал.

– Еще не все потеряно. – эти слова Хилл попытался произнести уверенно, но дрожащий голос скрыть не вышло. – Давай к Земле.

Земли, как таковой, уже не было. Планета разломилась на несколько крупных осколков, левитирующих неподалеку друг от друга.

– Солнца тоже нет. – опустошенно сказал Василий.

Оба посмотрели в иллюминатор, чтобы еще раз убедиться в этом. Осознание далось им нелегко.

– Давай проверим всё остальное. – сказал Рейган. – Может, кто выжил?

Василий, не говоря ни слова, повернул штурвал.

– Не может же быть такого, чтобы никто не выжил? – продолжил Рейган.

Облетев все известные им объекты системы, они не нашли абсолютно ничего. Только пустые камни, повисшие в

безжизненном вакууме, которые будто застряли во времени.

– Они могли эвакуироваться? – резко спросил Батурин.

– Наверное, так они и сделали. – ответил Рейган. – Не могли же абсолютно все... нет, не верю. Нужно отправляться на поиски.

Василий безмолвно посмотрел на него.

– Ладно, и сам знаю, насколько это глупо звучит. Они могли полететь буквально куда угодно. – продолжил Хилл. – Но что нам остается?

– Если кто-то и остался, они сами нас найдут. – Василий встал с места. – Еды надолго не хватит.

– Подожди. – сказал Рейган, тоже вскочив с кресла. – Я тоже об это думал, но... хорошо. Хотя бы направь корабль. Отправим сигнал и будем ждать.

Василий нажал что-то на панели, и «Горизонт» перешел в режим самоуправления. Затем оба направились в отсек, в котором располагались капсулы. Василий приоткрыл дверцу своей и замер рядом, посмотрев на друга.

– На сколько хватит стержней? – спросил Рейган.

– В теории, они могут работать бесконечно. Но после ста пятидесяти лет проксиний становится нестабильным. – ответил Василий. – Бедные люди. – он покачал головой. – Каково это – умереть, так и не получив ответа?

– Все не так страшно. – ответил тот. – Не мы, так кто-нибудь другой узнает. На место катастрофы когда-нибудь, да прилетит следующее поколение жителей нашей галактики.

Они достанут свои неведомые приборы и будут хладнокровно изучать космическую пыль, которая когда-то была нашим домом.

Оба одарили друг друга взглядом и закрыли за собой дверцы. Сразу после этого на корабле погас весь свет. Последние люди Земли летели в неизвестность, находясь в состоянии стазиса. Они балансировали на грани между жизнью и смертью, подсознательно ожидая неминуемого конца.